

*Виктор Конецкий:
Ненаписанная
автобиография*

2-е издание, исправленное и дополненное

ПАЛ Ы М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 82-82
ББК 84(2Рос-Рус)6
В43

Составление, предисловие и примечания Т. В. Акуловой

*Составитель выражает благодарность
друзьям и читателям Виктора Конецкого
за помощь в создании этой книги.*

*В оформлении издания использованы фотографии
из семейного архива В. В. Конецкого.*

В43 Виктор Конецкий: Ненаписанная автобиография / [Виктор Конецкий ; сост., предисл., примеч. Т. В. Акуловой]. — 2-е изд., испр. и доп. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 532 с., ил. — (Серия «Литература и искусство»).

ISBN 978-5-517-10726-8

Виктор Викторович Конецкий (1929–2002) — советский и российский прозаик, капитан дальнего плавания, любимый писатель нескольких поколений российских читателей. Многие его произведения, такие как роман-странствие «ЗА ДОБРОЙ НАДЕЖДОЙ», сборники повестей и рассказов «Над белым перекрестком», «В сугубо внутренних водах», «Камни под водой» и другие, связаны с близкой и родной автору морской тематикой, однако его подлинный интерес неизменно сосредоточен на душевной жизни человека.

В конце жизни Конецкий задумывал написать мемуары, однако не успел осуществить этот замысел. Попыткой исполнить волю писателя, составить его посмертную «ненаписанную автобиографию» и стала настоящая книга.

В первую часть издания, подготовленную на основе архивов В. В. Конецкого, вошли его ранее неопубликованные рассказы, отрывки из дневников, литературные заметки и письма разных лет. Вторую часть составили воспоминания и отзывы людей, знавших и читавших писателя: собратьев по перу, критиков, читателей. В приложении публикуется литературный сценарий, созданный Конецким к кинокомедии «Через звезды к терниям».

УДК 82-82
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Конецкий В. В., наследники, 2024
© Акулова Т. В., составление, предисловие,
примечания, 2024
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2024

ISBN 978-5-517-10726-8

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Подготовить книгу на основе материалов своего писательского архива задумывал сам Виктор Конецкий, даже название ироническое для нее придумал — «Барашки».

«Барашки» — по словарю: «белая пена на гребнях волн, образующаяся в результате опрокидывания гребней волн под действием ветра...»

Подготовить такую книгу Виктор Викторович не успел. Правда, была книга «Кляксы на старых промокашках», в которой писатель поместил кое-какие «кляксы-барашки» своей биографии.

Можно сказать с уверенностью, что в каждой книге Виктора Конецкого, прежде всего в романе-странствии «ЗА ДОБРОЙ НАДЕЖДОЙ», «отложились», говоря языком архивистов, автобиография писателя. Виктор Конецкий не работал «в стол», и в его архиве нет произведений, не печатавшихся при жизни. Исключение — ранние рассказы, сценарии и заметки, не попавшие в широкий читательский обиход.

Если переиздавать свои ранние произведения, полагая, что «к художественности они никакого отношения не имеют», Виктор Викторович не стремился, то письма, дневниковые записи, не вошедшие в его путевые книги по разным причинам, материалы выступлений и высказываний в прессе по разным общественным проблемам считал документами своего времени — сложного и не лишённого, по признанию самого Конецкого, «энергии заблуждений».

И сегодня, перечитывая пожелтевшие письма, листая старые газеты и дневники Виктора Викторовича, ловлю себя на мысли, что писатель по-прежнему говорит с нами — настолько

четко уловима его интонация, его голос, так узнаваема в каждой строчке его страстная натура, так близко еще сказанное им. И потому родилась эта книга — «Виктор Конецкий: Ненаписанная автобиография», а скорее — штрихи к сказанному и написанному писателем, отобранные не им...

И название «Барашки» оставляю — в первой части книги.

Вторая ее часть включает читательские отклики на книги писателя, а также воспоминания о Викторе Конецком, в том числе ранее не публиковавшиеся.

В приложении печатается литературный сценарий кинокомедии «Через звезды к терниям».

Татьяна Акулова

Часть I
БАРАШКИ,
или
СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ, РАССКАЗОВ И ПИСЕМ (1947–1950)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И РАССКАЗОВ ПИСАТЕЛЯ

Я из разночинцев, русский, баловень судьбы, пьющий, родился в 1929 году — год Великого перелома у нас и Великой депрессии в Америке — 6 июня в один день с А. С. Пушкиным, что, конечно же, не случайно, и бывшим президентом Индонезии Сукарно.

Убежден, что если бы не война, то не стал бы ни моряком, ни писателем — обязательно живописцем. И обязательно — великим, не меньше Гойи или Рафаэля.

До войны я занимался во Дворце пионеров у Деборы Иосифовны Рязанской¹. Еще совсем маленьким мне было неудобно оттого, что я рисую лучше ее, и она это сама мне говорила. Помню, после летних каникул показывала мне свою — холодную, даже ядовитую в зелени, живопись — и плакала оттого, что пишет плохо. Потом вытерла слезы и все шурилась, шурилась на свои работы, а потом смотрела на меня с надеждой и, конечно, вздыхала...

А мать иногда говорила, смотря на нарисованное: «Се лев, а не собака!..»

Еще до войны у меня была флегмона под коленкой. Я всю жизнь врал, что это шрам от осколка снаряда. И ни один хирург ни разу не усомнился в моем вранье. Врал всю жизнь, и даже не знаю, в чем была цель моего вранья. А вот то, что в шею контузило под Диканькой, не говорил никому и никогда.

¹ Рязанская Дебора Иосифовна (1902–1990) — художник. Окончила Казанскую художественную школу. С 1922 по 1960-е гг. жила и работала в Ленинграде: преподавала в ЛХШ, вела занятия в изостудии Дворца пионеров. Скончалась и похоронена в Казани.

Меньше всего за время литературной работы я написал о нечеловеческих муках блокады — голоде, холоде, смерти. Но в памяти и душе блокада оставалась и остается всегда.

Сидишь с пишущей машинкой, уходишь в кошмар тех времен. А потом начинается: «Что вы сюда столько трупов написали? Как это так: они у вас в дворовой мусорной яме? И подростки их из льда вырубает? Зачем эти страсти? Нет, уважаемый, мы такими страстями читателя запугивать не собираемся». Дело не в запугивании читателя. Уж больно не вписываются блокадные фантазии в устоявшиеся каноны всех видов и типов военной прозы. А как иначе? Если вы хотите знать, тогда примите эти ужасные картинки. И знайте.

Пишут, что я мальчишкой пережил блокаду и все видел. Не было там мальчишеских глаз. Все глаза были одинаково на лбу. Если только они могли туда вылезти.

Как появилось название «блокадник», врать не буду. Вначале оно было засекречено по приказу Сталина и даже для самих блокадников необъяснимо: город Ленина не мог быть окружен, это не допускалось идеологически. Отсюда и все вытекающие последствия. Раз никакого кольца вокруг Ленинграда нет, раз связь поддерживалась через Ладогу — блокады вроде как нет. Но куда такое спрячешь? О блокаде, конечно, узнали не сразу. Но тут и газет не надо было — разъехались ленинградцы по всей стране великой, и сталинский запрет вынуждены были снять гораздо раньше, чем прорвали это чертово кольцо.

Маннергейм дальше своей линии не пошел, потому что боялся ввязаться в крупную драку с противником и нажать массу неприятностей уже в самом городе. В царской России он служил офицером, у него были свои вполне резонные соображения насчет Ленинграда. Он остановился в районе Сосново, почти на линии финской войны, а дальше отдал приказ своим войскам окапываться, и все. Гитлер требовал от него наступления и жутко злился, что никакого наступления не получается.